

Наринэ Абгарян
Владимир Зисман
Лада Исупова
и другие

ВАЛЬС В ЧЕТЫРЕ РУКИ

Сборник рассказов

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
В16

Серийное оформление: *Марина Акинина*
В оформлении обложки использована иллюстрация
Александра Заварина

В16 **Вальс** в четыре руки: сборник рассказов / сост. Лада Исупова. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 314, [3] с.

ISBN 978-5-17-100512-2

Музыка. У каждого с этим словом связано что-то свое. Для кого-то это походы в музыкальную школу из-под палки и ежедневные ненавистные гаммы. Для кого-то — принудительные «окультуривающие» походы в филармонию или театр по выходным. Для одних это возжеленная первая гитара, купленная в юности на тщательно сэкономленные деньги. А для других — рабочие будни. Мы попросили самых разных авторов, среди которых как профессиональные музыканты, так и рядовые слушатели и зрители, рассказать что-то интересное, что-то самое яркое о своих взаимоотношениях с миром музыки. Лучшие их рассказы и попали в эту книгу.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

Подписано в печать 28.09.16.
Формат 84 x 108 ¹/₃₂ Усл. печ. л. 16,8.
Тираж Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1: 953000 — книги, брошюры

© Авторы, тексты, 2016
© Лада Исупова, составление, 2015
© Александр Заварин, иллюстрация, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогие читатели!

Это трогательная и радостная книжка, и составила ее Лада Исупова. Это была ее последняя работа, она успела прочитать множество рассказов, выбрать, скомпоновать весь сборник, когда была уже совсем больна. Но увидеть книжку, потрогать, полистать — уже не успела, она умерла 2 мая 2015 года.

Лада была концертмейстером балета. Это особенная музыкальная профессия, как бы маленький оркестрик из балетного учителя, пианиста и учеников. И учитель тут — дирижер, а пианист — как первая скрипка, и ученики — оркестранты со своими партиями. Еще она пела в хоре, с которым объездила мир. Она преподавала скрипку, фортепиано, флейту. Она умела играть на многих инструментах.

Она ставила музыкальные спектакли с детьми, малыши трех-четырёх лет учились у нее танцевать и петь.

Она написала книжку «Мастер-класс, записки концертмейстера балета». Кто не читал еще — очень советую. Магическая книжка!

И еще у нее была страница в Живом Журнале в Интернете. http://m_petra.livejournal.com. Она была ренессансный человек, Лада, столько всего разного умела, знала, помнила. А в жизни она была

очень смешливая, обаятельная, красивая. И сильная — это помогло ей с достоинством переносить тяжесть болезни.

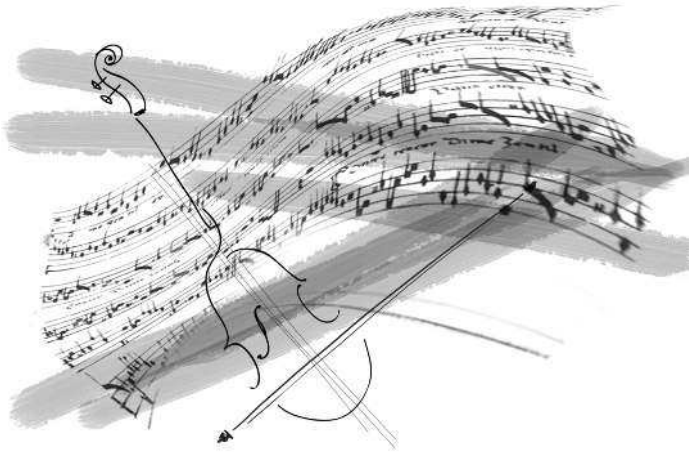
В предисловии обычно пишут про содержание, про ожидания читателя от книги. Здесь есть и шуточка скерцо, и элегия ностальгии, любовный романс и сюита ушедшего времени...

А все вместе — концерт для жизни с оркестром!

Лариса Бау

Татьяна Вавилова

Пианино

В далеком пионерском детстве я мечтала о великих подвигах и, не чувствуя в себе никаких к этому способностей, очень хотела найти героев хотя бы среди своих родственников. Увы! Мои родители не смогли вспомнить ни одного революционера или партизана, не было даже бедняков крестьян или просто верных делу коммунистов. Даже моя тетя, вернувшаяся с войны, была там всего-то врачом полевого госпиталя, а не разведчиком в тылу врага. А бабушка Оша, мамина мама, так отличалась от «настоящих» бабушек моих подружек, что вызывала у них подозрения относительно своего происхождения.

Родилась она в городе, который я не смогла найти на школьной карте, — в Новом Маргелане. В этом чудесном городе, вспоминала бабушка, не было ташкентской жары и пыли, на улицах росли фруктовые деревья, между ними журчала по арыкам про-

зрачная студеная вода из горного сая. А дом, где она жила с родителями и многочисленными сестрами и братьями, был окружен густым тенистым садом, настолько огромным, что, объехав его верхом по периметру, младший брат Саша приводил свои брючки в полностью негодное состояние.

Невзирая на солидный возраст, всегда красиво причесанная, стройная, подтянутая бабушка Оша не признавала платков, вязаных кофт, шлепанцев и капотов. Она вставала рано утром, обтиралась холодной водой, называя это институтской привычкой, и только потом разжигала щепками маленькую железную печку и ставила чайник.

Иногда бабушка вынимала картонную коробку из-под обуви и доставала из нее старинные фотографии. Военные на них были, но не те, каких мне тогда хотелось увидеть. Все они, говорила бабушка, умерли задолго до революции, а потому героями быть не могли. Но прекрасные дамы с талиями-рюмочками и нежные девушки в длинных пышных платьях, с высокими прическами и цветочными корзинками в руках не могли не волновать мое воображение. Девочке нищих послевоенных лет они казались сказочными принцессами. А для бабушки это были любимые лица давно потерянных родных. Каждая фотография вызывала у нее целую череду воспоминаний. Загадочные принцессы оказывались подругами или сестрами бабушки, а дама в закрытом шелковом платье, с бриллиантами в ушах — их мать.

Теряя ощущение реальности, я подолгу слушала о мазурках и менуэтах на балах-маскарадах в Николаевском институте благородных девиц. В учебном заведении с таким странным и непонятным для меня

названием бабушка провела восемь лет. Находилась оно в Оренбурге, вдали от Нового Маргелана. Сначала нужно было ехать на тарантасе по степи до Каспийского моря, останавливаясь на ночлег в киргизских юртах. В Красноводске пересаживались на пароход и только на другом берегу Каспия достигали железной дороги. Правда, ближе к институтскому выпуску семья переехала в Самарканд, куда уже была проведена железная дорога, и время пути значительно сократилось, но все равно детей привозили домой лишь на летние каникулы. Долгая разлука с родными переносилась очень тяжело, но в Новом Маргелане в ту пору дать приличное образование было негде.

Вместе с бабушкой в институте учились ее приятельницы. Так бабушка Оша называла пожилых дам, живших, подобно ей, в тесных маленьких комнатах ташкентских одноэтажных особняков, превращенных после революции в жактовские коммуналки. Я была с ними знакома. На фотографиях я с трудом узнавала в прекрасных благородных девицах чистеньких учительниц-пенсионерок в темных скромных платьях с белыми кружевными воротничками и с такими же белоснежными волосами.

После революции кто только не высмеивал институток: комсомольские и партийные деятели, советские писатели и журналисты — все старались представить их «кисейными барышнями», глупыми и легкомысленными.

Но женское образование в России, начало которому положила Екатерина II в 1764 году, вполне соответствовало поставленным целям. Императрица хотела, чтобы дворянки и девушки из средне-

го сословия получили европейское образование, смогли бы стать интересными, духовно богатыми собеседницами и воспитательницами своих детей. Кроме общеобразовательных предметов, девочкам преподавали рисование, музыку, танцы, два или три иностранных языка, учили изысканным манерам. Много времени уделяли религиозному воспитанию и, как ни странно, физической закалке и умению переносить невзгоды и лишения. Большую часть воспитанниц женских институтов составляли дочери военных. Военная служба была обязанностью дворянского сословия. Девочек готовили в офицерские жены, и очень немногие из них становились светскими львицами. Основная часть отправлялась за молодыми прапорщиками и поручиками на отдаленные окраины громадной страны, в маленькие крепости в киргизских степях или Кавказских горах. Вместе с мужьями они «обустраивали» новые российские земли, разделяя трудности и опасности воинской службы. Я думаю, именно сила духа помогла бывшим институткам, оставшимся и без отцов, и без мужей, выжить в революцию и Гражданскую войну.

Когда возникла необходимость в школьных учителях, новая власть объявила, что дипломы об окончании гимназий и женских институтов дают право работать педагогами. И они пошли и учили нас всему, что знали сами, но манерами и убеждениями так отличались от основной массы, что чувствовали неуверенность и неприкаянность, вызывая и во мне ощущение непонятной неловкости.

К концу 50-х годов потеплело, пролетарское презрение к «интеллигентам» постепенно преодоле-

валось, взгляды на вещи стали меняться. Родители вдруг вспомнили, что хорошо бы учить детей музыке и языкам, причем просто «для себя».

Мама уговорила отца, и настал день, когда мы отправились покупать инструмент. На Алайском базаре папа нанял «тащищек» в ватных полосатых халатах, и мы пошли по несуществующим теперь улицам. Пианино продавала старая дама, по-видимому, тоже из «бывших». Вид у него был весьма потрепанный, но хозяйка клялась, что инструмент мало игранный, звук замечательный, называется «WALDEMAR» и стоит недорого. Скромная зарплата инженера никогда не позволила бы моему отцу купить новое пианино «Октябрь», поэтому он решился. Носильщики сложили свои халаты и привязали их на спины. Одни, согнувшись, выстроились в ряд, другие водрузили на них тяжеленную ношу, и все побежали рысцой впереди нас, на ходу сменяя друг друга.

Носильщикам пришлось нелегко, но пианино было доставлено в сохранности и поставлено вдоль стены у окна. И вот тогда сомнение шевельнулось в душе моего родителя: хорош ли инструмент, стоило ли платить деньги и тащить его так далеко. Проверить было некому, в семье никто не играл. Но мама сказала: «Беги за бабушкой!»

Я хорошо помню, как она вошла в прохладу нашей глиняной кибитки, робко, чуть бочком подошла к пианино, присела на краешек стула, осторожно подняла крышку и со страхом посмотрела на свои застуженные в нетопленных квартирах пальцы. С тех пор как бабушкин любимый «Беккер» остался в саркандском доме, прошло сорок лет. В эти кошмарные годы лишений и катастроф, расстрелов близких,

ужаса перед лагерями и войной ничто не располагало к игре на фортепиано.

Выпрямив спину, бабушка подняла руки над клавишами и словно оцепенела на минуту, а потом домик наполнился дивными звуками живой музыки. Полонезы, вальсы, романсы и что-то еще, совсем незнакомое. Иногда бабушка сбивалась, но играла с таким упоением, что мы были околдованы. Конечно, я и раньше слышала классическую музыку, причем в профессиональном исполнении. Телевизоры в наших домах еще не появились, но радиоприемники и патефоны были. Но тут музыка рождалась в нашей убогой комнате, лилась из-под пальцев моей бабушки Оши, и неловкость, слегка примешивавшаяся к моей любви, вытеснялась гордостью за нее. А у отца улетучились все сомнения относительно пригодности инструмента.

Бабушка жила рядом и после смерти деда каждый день приходила к нам на обед. Отобедав, она устраивала настоящие концерты, вспоминая всё новые вещи. Бывало, что музыка привлекала соседей, приходили мои махаллинские подружки, и число слушателей увеличивалось.

Учительницу музыки тоже рекомендовала бабушка, поискав среди бывших оренбургских институток. Со мной стала заниматься Ольга Николаевна Малиновская, сохранившая огромный черный рояль и пособия для игры на фортепиано. После урока она не могла удержаться от воспоминаний и часто вздыхала, каким красивым был мой дед, Шура Шутихин, в кадетские годы и как прекрасно танцевал с бабушкой мазурку на рождественском балу.

Ольга Николаевна ввела в наш дом удивительно-го человека, оставившего о себе добрую память, —

чешского музыканта Бронислава Когоушека. Как судьба занесла его в Ташкент, я так и не узнала. Говорили, что Бронислав Когоушек раньше жил в Чехословакии, работал в симфоническом оркестре. Он тосковал по своим друзьям, по оркестру, страстно желал вернуться на родину, но по каким-то причинам ему не удавалось оформить документы на выезд. Когда мы познакомились, Когоушек был очень стар и его единственной отрадой оставалось сочинение музыки, но инструмента у него не было. Жил он с семьей внучки, журналистки, в тесной квартире. Шум и суета мешали писать музыку, а маленькая правнучка, только начинавшая передвигаться самостоятельно, находила ноты с сочинениями и с удовольствием рвала их. Поэтому Когоушек любил ходить в гости к людям, имеющим инструмент, и все свои ноты брал с собой.

Что за колоритная личность был музыкант Бронислав Когоушек! Высокий, грузный, с голубыми глазами и седыми волосами до плеч, в свободной блузе-толстовке, он говорил с заметным акцентом, медленно подбирая русские слова. После яркого солнечного света Когоушек плохо ориентировался в нашей темной квартире. Между передней и комнатой был высокий порог, и мы с мамой старались вовремя поймать гостя, если он забывал об этом. Усаживались пить чай с вареньем и ждали бабушку.

Когда Когоушек пришел впервые и встретил у нас бабушку, выяснилось, что она в юности занималась музыкой и даже готовилась к поступлению в консерваторию, но обстоятельства помешали этому. Бронислав Когоушек попросил что-нибудь исполнить. После долгих уговоров бабушка согласилась,

а потом сел за пианино и он сам, и они стали играть в четыре руки. С тех пор Когоушек приходил чаще, чтобы играть вместе с бабушкой. Весной, когда зацветали сирень, ирисы и бульденежи, Когоушек предварительно заходил к Ольге Николаевне Малиновской и появлялся с огромным благоухающим букетом. Моя учительница музыки разводила цветы и раздавала букеты всем желающим.

Если бабушка встречала у нас Когоушека, обед откладывался, они с нетерпением усаживались за инструмент — то вместе, то по очереди. Музыкант приносил ноты, и бабушка играла с листа, почти не репетируя. Какие чудесные были дни! Звучала музыка Шопена, Огинского, Штрауса, Чайковского, Рахманинова. Стариков, доживающих свой полный трагических событий век, музыка уносила от всех бед и несчастий в прекрасный мир несбывшихся надежд. Их настроение передавалось нам с мамой. Это все навсегда запомнилось, как самое удивительное время в жизни. Я перестала мечтать о ратных подвигах, и уже не подпольщицы и партизанки служили мне примером: я хотела играть, как бабушка, и очень гордилась ею. Но на мне природа решила передохнуть. Напрасно я подолгу просиживала над гаммами и сольфеджио и даже разучила романс Полины из «Пиковой дамы». Мои пальцы не могли извлечь из пианино тех волшебных звуков, которые я слышала, когда играли бабушка и Бронислав Когоушек.

Так продолжалось года два-три, пока не наступило 14 февраля 1958 года. В этот день бабушки не стало. Бронислав Когоушек не приходил некоторое время, а мы не знали его адреса и не могли сообщить дату похорон. Оказалось, он заболел. Когда он по-

явился и узнал, очень горевал, долго играя печальные мелодии.

Бронислава Когоушека мы видели еще только раз. Он пришел неожиданно и торжественно вручил мне двойной листок из школьной нотной тетради. На нем было написано: «„Andante cantabile“, Б. Д. Когоушек». И эпитафия: «Бабушка ушла туда, откуда нет возврата...» Когоушек сочинил грустную, но светлую мелодию в память об Ольге Викторовне Мединской-Шутихиной, моей бабушке. А мне сказал: «Учись, чтобы потом сыграть для мамы».

Я не научилась играть по-настоящему, но старое пианино и реквием Когоушека остались напоминанием о бабушке, о чешском музыканте, об Ольге Николаевне Малиновской, обо всех, кто открыл для меня красоту и величие духа. Благодаря им я усвоила свой главный жизненный урок: есть ценности, которые остаются с нами навсегда. В отличие от материальных приобретений, их нельзя экспроприировать, сжечь или украсть.

Евгений Москвин
Таинственный Маевский

Когда я учился в начальной школе, мой ныне покойный дедушка, будучи личностью весьма эксцентричной, любил рассказывать мне разные истории, которые почти полностью являлись плодом его слегка подвинутого воображения. Он был учителем музыки, надевал на занятия фортепьяно красный галстук поверх зеленого свитера, а когда приходила весна, показывая ученикам, «как надо играть „Патетическую“ Бетховена», принимался долбить по клавишам с такой силой, что, по их утверждению, один раз на рояле вылетела пара струн. Ни разу не было случая, чтобы в его рассказах не фигурировал какой-нибудь великий композитор, но правды в них было столько же, сколько в хармсовских — про Пушкина и Гоголя; смысла, пожалуй, чуть побольше, ведь мой дед

старался таким образом приобщить меня к музыкальному ремеслу и сделать «продолжателем его начинаний»; но, так или иначе, редко когда удавалось ему сочинить что-то по-настоящему глубокомысленное. В результате я честно признаю, что многие его истории давно вылетели у меня из головы, а некоторые никогда не были там и вовсе, ибо частенько, когда он садился не возле меня, а в другой конец комнаты, горбился, сметая своей густой и черной, но очень мягкой бородой хлебные крошки со стола, и принимался говорить, я незаметно выскальзывал в коридор, учуяв запах своего любимого лакомства, — на кухне мать вылепливала эчпочмаки, — а затем, машинально доставая из кармана платок, протирал им увлажнившееся от горячего пара лицо.

И все же один раз деду удалось по-настоящему заинтриговать меня — не могу сказать точно, что такого глубокомысленного было в очередной его байке, но запомнил я ее на всю жизнь. Главным действующим лицом ее был Сергей Прокофьев (хотя, как мне представляется, им мог бы быть и Римский-Корсаков, и Бетховен, и другие).

Когда мне было десять лет и я учился в третьем классе музыкальной школы, дед как-то принес домой склеенную марлей розовую хрестоматию с пернатыми желтыми страницами — типично библиотечный экземпляр. (Разумеется, дед взялся обучать меня сам, и, когда я немного окреп, он стал задавать мне едва ли не по двадцать этюдов Черни в год, и, лишь по субботам оставляя в покое и не требуя «двухчасовых занятий за инструментом», отправлялся к своему давнему консерваторскому при-